

Михайлова Т. А. (Москва)

СИСТЕМА ОППОЗИЦИЙ В “ТРУДАХ И ДНЯХ” ГЕСИОДА

Композиция “Трудов и дней” до сих пор ставит перед исследователями сложную задачу. Анализируя поэму через систему оппозиций, можно попытаться дать некоторую характеристику внутреннего устройства произведения. Отчасти такая постановка проблемы не будет оригинальной, хотя бы уже в связи с дидактическим жанром, однако принцип противопоставлений намного глубже пронизывает текст и отвечает авторской концепции, чем это может показаться на первый взгляд. Рассматривать оппозиции необходимо на нескольких уровнях: на сюжетном уровне, на уровне лексики, в жанровых особенностях ТД и др.

Сразу же после вступления Гесиод обращается к мифам, вводя с их помощью свои основные теоретические идеи. Он говорит о пользе соревновательного духа, рассказывает о появлении несчастий, характеризует поколения и положение современных ему людей, хвалит справедливость и благочестие. Все положения он последовательно иллюстрирует мифом или хотя бы некоей мифологической зарисовкой. При этом уже сразу задается и оппозиционная тема. Во всех приведенных сюжетах она присутствует, но разрабатывается по-разному. Первым идет рассказ о двух Эридах (11–39), одна из которых соответствует завистливому соперничеству и умножает войны и ссоры, а другая — плодотворному соревнованию “и бездеятельного побуждает к работе” (20; ср.: *Theog.* 225–226, где упоминается одна Эрида). Следующим идет рассказ о Прометее и Эпиметее (42–105). Первый приносит людям благо, второй же служит причиной несчастий, приняв дар Зевса. Если плюсы и минусы распределяются в этом случае между двумя братьями, то фигурирующая в этом же мифе Пандора содержит и то, и другое одновременно: прекрасную внешность, но при этом лживый, “собачий” нрав. Также упоминаются два дара: положительный дар Прометея людям — огонь, и отрицательный дар Зевса Эпиметею — сама Пандора. Закончив с этим рассказом, Гесиод приступает к описанию пяти веков (106–201), где оппозицию можно назвать уже не бинарной, а “градуированной”. Далее приводится басня (202–212), где показано противостояние слабого и сильного и указывается на два возможных исхода: ястреб, поймавший соловья, может съесть, а может и отпустить его. Наконец, заканчивая эту наиболее теоретическую часть, автор описывает два города (225–247), в одном из которых царит почитание богов и справедливость, а в другом — надменность и беззаконие.

Самую значительную группу составляют в ТД собственно дидактические оппозиции. Это многочисленные хозяйственные, бытовые, нравственные наставления, касающиеся правил крестьянской жизни, общения с другими людьми и почитания богов. Однако именно эта группа оппозиций представляется наименее важной. В большинстве случаев наставления мало отличаются друг от друга, но даже и раз-

ница между ними продиктована, скорее, правилами синтаксиса и метрики, чем авторской идеей.

Рассматривая лексические оппозиции, интересно обратиться к прооймиону ТД (1–10)¹:

Μοῦσαι Πιερίηθεν ἀοιδῆσι κλείουσαι,
 δεῦτε Δί' ἐνέπετε, σφέτερον πατέρ' ὑμνείουσαι·
 ὄν τε διὰ βροτοὶ ἄνδρες ὁμῶς ἄφατοί τε φατοί τε,
 ῥητοὶ τ' ἄρρητοὶ τε Διὸς μέγαλοιο ἔκητι.
 ῥέα μὲν γὰρ βριάει, ῥέα δὲ βριάοντα χαλέπτει,
 ῥεῖα δ' ἀρίζηλον μινύθει καὶ ἄδηλον ἀέξει,
 ῥεῖα δέ τ' ἰθύνει σκολιὸν καὶ ἀγήνορα κάρφει
 Ζεὺς ὑπιβρεμέτης, ὃς ὑπέρτατα δώματα ναίει.
 Κλύθι ἰδὼν αἰὼν τε, δίκη δ' ἴθυνε θέμιστας
 τύη· ἐγὼ δέ κε Πέρση ἐτήτυμα μυθησαίμην.

(“Пиерийские музы, песнями прославляющие, / расскажите о Зевсе, собственного отца воспевая. / Из-за него смертные бесславны (–) и славны (+), / известны (+) и безвестны (–) по воле великого Зевса. / Легко ведь делает сильным (+), легко и сокрушает сильного (–), / легко известного понизит (–), а неизвестного повысит (+), / легко исправит неправого (+) и сломит отважного (–) / Зевс, гремящий в высоте, который в высочайших жилищах обитает. / Внемли, увидев и услышав, и справедливо ты направляй законы; / я же рассказал бы Персу верные вещи”).

Обозначив плюсом положительное действие или понятие, а минусом отрицательное, можно прийти к схеме двух предложений, которая выстраивается “по цепочке”: плюс к плюсу, минус к минусу:

1) – + + – 2) + – – + + –

Композицию вступления можно представить в виде круга: инвокация к Музам – Зевс называется – Зевс описывается – Зевс называется – инвокация к Персу². Власть Зевса над людьми соотносится с властью поэта. В перечислении возможностей Зевса сначала говорится о том, что он может сделать человека бесславным и славным, безвестным и известным, а исполнителем этого является именно поэт. Таким образом, пятая строка относится к ним обоим одновременно. Специально прибегая к анафоре, Гесиод использует варианты ῥέα/ῥεῖα (т. е. с долгим и кратким гласным): Зевс делает кого-то сильнее и слабее (больше или меньше), Гесиод делает то же самое со словом. Заканчивается вступление как бы “распределением обязанностей” между Зевсом и Гесиодом, каждый из которых должен исправить то, что в его силах.

¹ Греческий текст цит. по: *Hésiode. Théogonie; Les travaux et les jours; Le bouclier / Texte établi et traduit par Paul Mazon. Paris: Le Belles Lettres, 1951. P. 86–116.*

² Ср.: *Lamberton R. Hesiod. Yale University Press, New Haven and London, 1988. P. 107–108.*

Несколько раз в тексте встречается модель, которую можно назвать “ложная оппозиция”. Сначала это простой дидактический совет: А — хорошо, В — плохо. Неожиданно вместо порицания В автор приходит к выводу, что и В тоже может быть хорошо. Самый яркий пример — место, где автор говорит о предпочтительном количестве детей в семье (374–380): “единородным пусть сын отцовский дом / вскармливает; чтобы богатство увеличивалось в доме. / Старым пусть он умрет, одного сына оставив. / Легко же и многим дал бы Зевс несказанное счастье. / Огромна о многих забота, больше же и приумножение”.

Вполне естественно слышать от Гесиода совет иметь именно одного сына, а не нескольких, так как для него этот вопрос действительно актуален. Однако неожиданно (возможно, даже для себя) он приходит к противоположной мысли. Изначально задуманный как дидактический совет полностью теряет свой смысл, потому что какую пользу из него можно извлечь, если оба варианта предпочтительны? Зато рассуждение автора развивается непосредственно перед нами (ср. также: 316, 489).

Ход собственных мыслей, даже не всегда логичных с точки зрения дидактики, Гесиод демонстрирует нам, отходя в некоторых случаях от строгой модели поучительных советов. Здесь удобно рассмотреть следующий эпизод, где Гесиод описывает тяжелые зимние месяцы и холодный северный ветер, дующий в долинах и лесах (512–528): “...звери дрожат, поджимая хвосты; / хоть их кожа и покрыта шерстью; / но холодный [ветер] продувает, хотя у них косматая грудь; / и через шкуру быка проходит, и она его не задерживает, / и через длинношерстную козу дует; овечьего же стада нисколько, потому что у них густая шерсть, не продувает / сила ветра Борея; бегущим делает старика, / а через тонкую кожу девушки не продувает, / которая внутри дома при своей матери остается, / еще не зная дел золотой Афродиты, / и, омыв нежную кожу и обильно маслом / намазавшись, во внутренней комнате ложится спать / в зимнее время, когда бескостный свою ногу гложет / в холодном и жалком жилище; / ведь солнце не дает корма, / но у народа и города черных людей / находится, поздно же показывается всем грекам...”.

Дальше речь снова заходит о холоде и о замерзших животных. Этот эпизод является очень важным для изучения поэтики Гесиода, и его интересно рассмотреть с точки зрения оппозиций. Сначала мы видим, как, поставив своей задачей устроить слушателя картиной холодной зимы и убедить его в необходимости готовить запасы, автор увлекается описанием ветра. Он представляет себе его маршрут — по морю, по равнине, по лесу — потом переключается на животных, представляет себе их всех по очереди и вдруг доходит мысленно до овец, которых ветер не продувает. Это первая оппозиция. Можно предположить, что дальше он думает: “а кого еще ветер не продувает?”. Ему в голову приходит образ молодой девушки, сидящей в зимнее время в теплом доме. Ее тоже никак не

затрагивает холод. Гесиод тут же строит оппозиции уже от ее образа. Он пишет в соседней строке о старике, который вынужден бегать от ветра, в отличие от девушки, спокойно находящейся в своей комнате. Далее, описав, как она, оmyв кожу и натершись маслом, ложится спать, Гесиод находит уже “эстетическую” оппозицию. Если образ этой девушки поражает читателя своей неожиданной яркостью, красотой и поэтичностью, то следующее за ним описание полипа (видимо, здесь имеется в виду осьминог) кажется по контрасту особенно неприятным. Надо обратить внимание на то, что противопоставление этих двух образов построено довольно последовательно. Комната девушки представляется уютной, теплой и, скорее всего, светлой, а жилище полипа названо ἄπυρος (“безогненный”), что можно понять и как “темный”, и как “холодный”. В обоих случаях противопоставление первому описанному жилищу очевидно. Кроме того, противоположно отношение этих двух персонажей к своему телу: девушка оmyвает его и натирает маслом, а полип “грызет свою ногу”. В результате получается, что, отклонившись от исходной идеи, мысль, пройдя круг, снова возвращается к началу. Если изначально автором была поставлена цель напугать картиной страшного холода и зимы, то результат совсем уже не соответствует этой задаче. Такое вроде бы необоснованное отклонение от темы не несет никакой дидактической нагрузки и, на мой взгляд, противоречит правилам риторики, так как после таких отступлений впечатление о ветре отходит у слушателя на второй план. Зато никак нельзя отрицать поэтической ценности эпизода. Кроме того, на этом примере видно, как на глазах “оживает” образ Гесиода. За его ассоциациями буквально можно проследить. Это уже не просто крестьянин с традиционной мудростью и поучениями, а настоящий поэт, утонченный и яркий. Перед нами опять свободное течение авторской мысли.

На этом примеры “нелогичных” оппозиций не исчерпываются. Например, объясняя причину отъезда отца из эолийской Кимы, Гесиод пишет (636–637):

οὐκ ἄφενος φεύγων οὐδὲ πλοῦτόν τε καὶ ὄλβον,
ἀλλὰ κακὴν πενίην...

(“не от достатка бежав, или богатства, или счастья, /но от ужасной нужды”).

В этой фразе есть логическая неувязка. Указания на тяжелую нужду было бы вполне достаточно для объяснения причины отъезда. Упоминание здесь богатства и счастья является, таким образом, излишним. Сложно предположить, что кто-то может переехать из своего города от чрезмерного достатка и благополучия. Можно посмотреть на фразу и с другой стороны, предположив, что ее первая часть соответствует русскому выражению “не от хорошей жизни”. Тогда ненужной делается вторая часть, потому что странной становится конструкция “бежал не от хорошей жизни, а от плохой”. В этой ситуации достаточно было бы только первой части, которая уже не требует пояснений.

В приведенных выше примерах оппозиции не совсем понятны: не обосновано их положение в тексте или сами они не очень ясны особенно с точки зрения дидактики. Вместе с тем такое построение становится более объяснимым, если считать его последствием намеренной “ритмизации” текста автором.

Важным для определения структуры текста является понимание авторского мировоззрения. Уже почти в самом начале помещается вызывающее у читателя настроение упадка описание пяти веков. Каждый из них хуже предыдущего. И если первые четыре поколения описаны более или менее мягко, то по мере возрастания ὕβρις в последнем веке зло достигает максимальных размеров. Вместе с этим увеличивается в тексте и расположенность к оппозициям. В результате, современное Гесиоду время являет собой ужасную картину повсеместного “раскола” (180–181): “...и ни отец не сходится с детьми, ни дети, / ни гость с хозяином, ни друг с другом”.

Теперь уже все противопоставляется всему: дети — отцам, родственники и друзья — друг другу, борьба хорошего и плохого особенно обострена. Возможно, именно такое видение Гесиодом своего времени является одним из объяснений устройства текста. Характеризуя окружающий мир постоянным всеобщим противостоянием, автор всеми способами заставляет читателя почувствовать это: насыщенные оппозициями вступления, дидактические советы, специально отобранные мифы. Даже “положительная” Эрида у него приводит к тому, что (25–26): “и горшечник горшечнику завидует, и мастеру — мастер, / и бедный на бедного злится, и певец на певца”.

Подобно всему остальному, раскол касается и семьи автора “Грудов и дней”: брат ссорится с братом и посягает на его долю. Гесиод несколько раз намекает на этот конфликт, вводя в начале противоположных друг другу братьев Прометея и Эпиметея, потом в описании железного века и, наконец, советуя (368–369): “...достойная договорная плата пусть будет другу; / и с братом в шутку при свидетелях договаривайся”.

Вместе с тем отношение автора к жизни противоречиво. Если осуждает он свое поколение совершенно однозначно, то некоторые другие его высказывания вызывают вопрос. Например, это касается отношения Гесиода к будущему. Говоря о “железном” веке, он употребляет будущее время. Рассказывая об ужасных нравах, он дает понять, что все это уже есть и будет дальше. В конце этого эпизода Гесиод печально замечает (198–199): “...останутся же беды злосчастные / смертным людям; от зла не будет защиты”.

Казалось бы, картина однозначно бесперспективна. Тем не менее, Гесиод несколько раз предлагает другой исход событий. Прямо в мрачное описание пятого века он вставляет странную фразу (177–179): “...но однако и к этим бедам примешаются блага. / Зевс уничтожит и этот род говорящих людей, / когда они станут рождаться седыми”.

Дальше он снова возвращается к рассказу о нравственном упадке. Создается впечатление, что автор даже для себя не может прийти к окончательному выводу. Окружающая картина пугает его, но он надеется, вернее, хочет надеяться на то, что все когда-либо изменится. В этом он пытается убедить и брата. После достаточно пессимистичной басни о соловье о ястребе, в которой слабому человеку не остается никаких шансов, он вдруг говорит (215–216): “...справедливость над гордостью / в конце концов торжествует”.

Этот пример выводит на очень важную для Гесиода тему: соотношение $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ и $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$ ³. Он не раз задумывается об этом в своем произведении. Истоки $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$ появляются уже в “серебряном” веке, но только сейчас противостояние их достигает максимального напряжения. Дерзкие люди творят всяческие беззакония и этим доводят свой город до разрушения. Гесиод специально останавливается на описании двух городов: города $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ и города $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$. В первом царит счастье, благоденствие, люди живут в достатке и Зевс не посылает им ни печалей, ни войн. Для того же, чтобы на жителей обрушились чума и голод, чтобы весь народ исчез с лица земли, оказывается, достаточно даже одного преступного человека. Зевс может разрушить такой город множеством способов. Вероятно, Гесиод здесь имеет в виду, что таким носителем $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$ является в этой ситуации Перс. Сам же автор соответственно становится обладателем $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$. Он обвиняет брата, пытаясь направить его на верный путь. Однако найти этот путь оказывается совсем не просто. Может ли человек исправиться? Зависит ли это от него самого? Рассказывая о веках, Гесиод начинает каждый раз описание со слов типа $\text{Ze}\acute{\upsilon}\varsigma \text{K}\rho\omicron\iota\upsilon\delta\eta\varsigma \text{po}\acute{\iota}\eta\sigma\epsilon$ (“Зевс Кронид создал”; напр.: 143–144, 158). Значит, все эти поколения создаются именно богами. В таком случае возникает вопрос: на ком же лежит ответственность за $\upsilon\beta\rho\iota\varsigma$? Самостоятельно ли человек совершает преступление или все это происходит по воле Зевса? По какой причине боги создают каждое новое поколение хуже предыдущего? Возможно, задавая себе эти вопросы, Гесиод и допускает некоторые противоречия в своем тексте. Скорее всего, этим можно объяснить уже упомянутый выше призыв к Зевсу соблюдать справедливость ($\delta\acute{\iota}\kappa\eta \delta' \acute{\iota}\theta\upsilon\upsilon\epsilon \theta\acute{\epsilon}\mu\iota\sigma\tau\alpha\varsigma \tau\acute{\upsilon}\nu\eta$ [9–10]).

Значительная часть всех оппозиций строится по одинаковой схеме: если провести границу между положительным и отрицательным, то полюсы оппозиции распределяются соответственно каждая на своем поле. Таким образом, обычно А — желательно, В — нежелательно. Таких примеров можно привести очень много. Но Гесиод иногда прибегает и к другой форме. В этом случае А и В оказываются по одну сторону границы, а противопоставляется им некая третья ситуация. Таких конструкций обнаруживается не так уж мало. Например, в сти-

³ Ср. об этом: Ковалева И.И. О композиции “Трудов и Дней” // Индоевропейское языкознание и классическая филология-VII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. СПб., 2003. С. 43–45.

хах 214–215 Гесиод пишет: “ведь гордость губительна для маленького человека, и знатный / тоже не легко может выдержать”.

Таким образом, противопоставленные друг другу “маленький” человек и “значительный” оба становятся жертвами свой заносчивости. В другом месте Гесиод говорит о том (458–459), что когда подошло время для пашни, то работать должны “и рабы и ты сам, / сухую или влажную почву пашущий пусть пашет вовремя”.

Здесь сразу две оппозиции: слуги и хозяин, сухая и влажная почва. Как и в предыдущем примере, они на самом деле не противопоставляются друг другу. Наоборот — работают все и независимо от состояния земли.

Иногда в такой конструкции появляется еще и четко обозначенная третья величина: это середина. Она обычно становится тем лучшим вариантом, которому противостоят крайности (714): “...ни чересчур гостеприимным, ни негостеприимным не называйся”.

Автор здесь предпочитает промежуточный вариант, советует находить компромисс. Вообще идея “золотой середины” является невероятно важной для Гесиода. В связи с его представлением о современном мире — расколотом, резко поделенном на плохое и хорошее — он чувствует необходимость найти выход. Решение этой проблемы он видит именно в нахождении середины. Сентенция о вине в бочке точно формулирует эту мысль (368–369):

Ἄρχομένου δὲ πίθου καὶ λήγοντος κορέσασθαι,
μεσσοῦθι φείδεσθαι· δειλὴ δ' ἐν πυθμένι φειδώ.

(“Пей себе вволю, когда начата иль кончается бочка, / будь на середке умерен; у дна же смешна бережливость” [пер. В.В. Вересаева]).

Этот пример ясно формулирует одну из главных идей Гесиода: “золотая середина”. К этой мысли его приводит борьба с крайностями, которыми так наполнен “железный” век. Жесткость разграничения всего по полюсам заставляет Гесиода стремиться к середине, к мере, к размеренности. Эта идея проходит через все произведение. Иногда автор открыто высказывает ее (693): “соблюдай меру; лучше всего все делать вовремя”.

Распределяя все так точно по дням, он пытается привести жизнь хоть к какому-то порядку.

Обращаясь к Персу, автор чаще называет его просто по имени, но несколько раз встречаются и эпитеты. Их всего два. Это νήπιος (или как вариант: μέγα νήπιος), который встречается несколько раз (286, 633), и δῖον γένος, употребленное только однажды (299). Первое слово Гесиод употребляет, говоря о людях, поступающих неправильно. Например, в стихе 40 (νήπιοι, οὐδὲ ἴσασι ὄσω πλέον ἤμισυ παντός: “глупые, и не знают, насколько больше всего поло-

вина”), или в 456 стихе (νήπιος, οὐδὲ τὸ οἶδ’ι: “глупец, и этого он не знает”). Если можно представить, что в обращениях к брату слово употреблено в более мягком значении: “малолетний, по детски глупый, неопытный”, то в остальных контекстах это маловероятно. В своем переводе Вересаев подчеркивает такую разницу значений, передавая νήπιος то как “безрассудный”, когда это обращено к Персу, то как “дурень” (“дурни не знают...”, “иль не знает он, дурень?”). Относительно второго эпитета существуют различные точки зрения. Например, Грегори Надь пишет об упоминавшемся с пятого века имени отца Гесиода — Δῖος, и представляет Перса как носителя воли Зевса, разрушающего города за их ὑβρις⁴. В.Н. Ярхо же считает это просто “ироническим обращением к обедневшему брату”⁵. В любом случае, на противоположность этих двух эпитетов нельзя не обратить внимание. Характерно и то, что никаких других эпитетов не употребляется, чем подчеркиваются именно эти два. Кроме того, имеет смысл отметить и те слова, которыми Гесиод характеризует людей вообще. Очень часто для их определения он использует слова βροτός/θνητός — “смертный” (напр.: [для βροτός] 3, 15, 24, 93; [для θνητός] 88, 103, 108, 123), и μέροψ — “говорящий членораздельно” (109, 143, 180). Эти эпитеты являются традиционными, и на них, возможно, ориентировался Гесиод, выбирая определения для Перса. В таком случае “божественному роду” (δῖον γένος) соответствует “смертный” (βροτός/θνητός), а “неразумному” (νήπιος) — “говорящие” (μέροψες). Оба последних слова происходят от корня, связанного с идеей говорения (ὄψ, ἔπος) И хотя такой эпитет людей является традиционным, и νήπιος давно отошло от своего исходного значения “не говорящий”, важно отметить выбор именно этого сочетания слов, носящих в каждой паре определенно противоположные значения. С помощью этого Гесиод как бы отделяет Перса от всех остальных людей, хотя подобное поведение свойственно людям “железного века”, что неоднократно подчеркивается на протяжении всего произведения. Значит, не это причина такого отделения Перса. Скорее, дело здесь опять в том же расколе во всем и между всеми, который Гесиод так последовательно демонстрирует.

Говоря о ТД, нельзя не сказать и о стиле всего произведения. В каком-то смысле он тоже оппозиционален. Гомеровский язык, торжественный и возвышенный, характерный прежде всего для эпоса, используется здесь для подробного описания порядка сельскохозяйственных работ. Обыденная жизнь беотийского крестьянина получает, таким образом, более торжественное освещение, становится значительнее. Соединяя прозаические, житейские мудрости с эпическим языком, Гесиод создает особое произведение. И хотя возвышенный стиль эпоса, перенесенный на бытовую почву, в нем несколько снижается, зато возрастают значения дидактических советов. Здесь можно опять вспомнить вступление, где, как

⁴ Надь Г. Греческая мифология и поэтика / Пер. Н.П. Гринцера. М., 2002. С. 107.

⁵ Ярхо В.Н. Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001. С. 223.

уже было сказано, автор проводит некую параллель между собой и Зевсом, указывая на способность поэта понижать и повышать.

Образ самого Гесиода оказывается намного сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. С одной стороны, он предстает перед читателем как образцовый крестьянин, знающий до последних мелочей тонкости ведения хозяйства и ставящий своей целью приобретение и сохранение богатства. Вместе с тем, у автора есть и другая — не менее важная — сторона. Он — поэт, получивший свой дар от муз (ср.: *Theog.* 1–52). Гесиод даже не рядовой поэт, а гораздо более значительный: знающий мысли самого Зевса. Таким образом, мудрость его сильно выходит за рамки простой крестьянской мудрости. Особенно это становится понятно, если внимательно присмотреться к жанровым особенностям всего произведения. Хотя чисто дидактические наставления и составляют весьма значительную часть, кроме них в тексте есть значительный мифологический пласт, который автор свободно использует для подтверждения своих мыслей. Отдельно существует в тексте совершенно законченная басня (202–212). У нее есть и вступление, обращенное к царям (202), и характерный сюжет (203–209), и типичная для басни сформулированная мораль (210–211). Уже в самом начале произведения Гесиод использует пословицу (25): καὶ κέραμεύς κέραμεϊ κότεῖσι (“зависть питает гончар к гончару”). Многие другие его наставления также напоминают поговорки.

Автором часто употребляются иносказания. Например, ἀνόστειος (“бескостный” — полип [524]), τρίπους (“трехногий” — старик [533]), φερέοικος (“домоносец” — улитка [571]), ἡμερόκοιτος ἀνὴρ (“спящий днем человек” — вор [605]) и др. Подобная табуированность более характерна, скорее, для сакрального текста, например, для оракула. Об этом, в частности, пишет и М. Вест⁶, также обращая внимание на выражение ἄλλ’ ὅπότ’ ἄν (“но всякий раз...” [571]), которое часто встречается в оракулах.

Таким образом, перед нами вырисовывается сложное сочетание двух пластов, которые обобщенно можно назвать “бытовым” и “поэтическим”. Гесиод находит для них очень точное сочетание. Пропорция такова, что ни один из них не перевешивает другой, а только дополняет. Соединение таких двух областей приводит к еще одной оппозиции: материальное и нематериальное. Круг тем наставлений охватывает и то, и другое. Часть советов предельно конкретна. Они касаются таких мелочей как нитки на ткани плаща, смешивание вина, устройство плуга и т. п. Другие же носят нравственный характер: отношения с друзьями, соседями, призыв к трудолюбию и честности и др. Некоторые советы вполне понятны и легко объяснимы. Автор исходит из соображений реальной пользы и удобства. Зато иногда наставления объясняются только традицией и определенными религиозными правилами. Гесиод соединяет в своем произведении разные категории

⁶ West M.L. *Hesiod: Works and Days*. Oxford, 1987. P. 302.

советов. Для него все они стоят наравне, и он не делает между ними различий. Каждый совет важен независимо от того, касается он материальной сферы или нематериальной. В связи с этим интересно посмотреть на функцию всего произведения в целом. Конфликт между братьями произошел из-за раздела земли, и Перс, пришедший после этого к Гесиоду, или требует нового раздела имущества, или просто помощи. Промотав свою долю, он впал в бедность и ему не на что жить. В ответ же на свои притязания он получает не то, за чем пришел. Брат, видимо, не дает ему ничего кроме поэмы, цель которой, однако, — привести Перса к благосостоянию. В данной ситуации поэтический текст должен заменить собой физическую помощь, и Гесиоду такая замена кажется адекватной.

В результате можно сказать, что уже с самого начала задав тему оппозиций, автор разрабатывает ее на всех уровнях: от словосочетаний до основы сюжета. Вводя в текст такое значительное количество противопоставлений, Гесиод, таким образом, воздействует на читателя, внушая ему свою концепцию. Оппозиции отражают мировоззрение автора, его жизненную позицию. В создании картины современного поколения с помощью этого приема Гесиод добивается эффекта общей “раздробленности”. Даже сами оппозиции в свою очередь как бы противопоставляются друг другу: относятся к материальной или не материальной сфере, охватывают одну строчку или все произведение и т. п. Образ Гесиода становится более глубоким, даже несколько трагическим и “живым” именно благодаря оппозициям.